

18+

Арина Лорель

Нефритовая слеза

Арина Лорель

Нефритовая слеза

«Издательские решения»

Лорель А.

Нефритовая слеза / А. Лорель — «Издательские решения»,

Нью-Багдад, 2177 год. Город поделен на три части: вверху — стерильный рай для богатых, посередине — вонючий базар для тех, кто ещё дышит, внизу — затопленные руины для тех, кого забыли. Лейла Хусейн когда-то ловила убийц в киберполиции. Теперь она сама изгой. В её черепе горит имплант — Третий Глаз. Он видит цифровые следы преступников, но каждый день жрёт её мозг. Чтобы выжить и расплатиться с долгами, она берётся за дело. Книга содержит нецензурную брань.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Верхний Сахат	8
Глава 2. Средний Вади	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Нефритовая слеза

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0070-6702-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нефритовая слеза

Пролог

Они нашли его в четвёртом часу утра по местному времени, когда зона Нижнего Атлантиды только просыпается. В мутной воде за толстым стеклом купола мелькали силуэты дайверов-киборгов — они проверяли рёбра на герметичность, простукивая титановые пластины. Где-то на погружной платформе торговцы органами грузили контейнеры с почками в старые субмарины. Уровень воды колебался на отметке «опасно» — красная линия почти слилась с «критическим».

Лейла Хусейн стояла над телом и жалела, что её Третий Глаз не умеет отключать запахи. От мертвеца несло смесью ладана и машинного масла, будто он молился рядом с работающим двигателем.

— Он так и сидел, — голос сержанта Абдуллы дрожал от отвращения или уважения, Лейла не поняла. — Два часа. Прямо на молитвенном коврике. А когда я подошёл проверить пульс... у него сердце. Понимаешь? Медное.

Лейла опустилась на корточки. Пластиковые накладки на коленях захрустели под тяжестью брони. Убитый выглядел как обычный паломник: белый ихрам, запачканный грязью Нижнего уровня, местами прожжённый кислотой. Лицо спокойное, почти счастливое. Глаза закрыты, ладони сложены для дуа, пальцы слегка подрагивают — будто до сих пор шепчут молитву. Но из разреза на груди торчали провода, покрытые каплями тёмной жидкости.

— Кто проводил вскрытие? — спросила Лейла.

— Местный бетуар. Сказал, что рёбра разошлись изнутри, будто что-то росло внутри. А потом просто вышло, — Абдулла вытер пот со лба. Его нейросеть мерцала слабым синим светом — дешёвая модель, с перебоями.

— Не «что-то». Кто-то, — Лейла включила Третий Глаз.

Мир дёрнулся. Сначала всегда больно: игла в затылке, искра в гиппокампе, потом — распад реальности на пиксели и код. Тело паломника расцвело в инфракрасном спектре: остаточное тепло нейронов, слабые импульсы в коре. Лейла увидела его последние пятнадцать минут жизни, записанные в кору, как на старом жёстком диске. Он молился. Не просто молился — разговаривал. С кем-то, кто был внутри его нейросети. Губы шевелились: «...ангел смерти приходит не с мечом, а с вопросом...»

Лейла углубилась. Слой за слоем она снимала цифровой эпителий: воспоминания о песчаных дюнах детства, страх перед первым погружением, запах хумуса с тмином, первый поцелуй под мостом Нижнего уровня — всё это кодировалось в байты, распадалось на нули и единицы. И на шестом слое, почти у самого ядра личности, она нашла Голос. Это был не человек. Человек не может одновременно говорить на трёх диалектах арабского, вставлять суры задом наперёд и смеяться так, будто знает, где ты умрёшь.

— «Я не Азраил, дитя моё. Я — его пальцы. И я пересчитываю ваши грехи в гигабайтах», — прозвучало в её сознании, и этот голос был одновременно знакомым и чужим, как эхо из забытого сна.

Лейла вырубил имплант. Реальность вернулась с грохотом — где-то взорвался генератор, завывала сирена. Сержант Абдулла держался за голову, его лицо исказилось от боли.

— Ты что, тварь, не предупреждаешь? — прохрипел он. — У меня нейросеть бюджетная, от твоего сканирования лаги на полчаса...

— Заткнись, — Лейла медленно встала. — Это был не киборг и не человек с имплантами.

Абдулла побледнел. Он служил в Нижнем Атлантике двенадцать лет, видел крабов-мутантов и торговцев детьми, но никогда не боялся так, как сейчас. Пальцы дрожали, когда он потянулся к кобуре.

— Что это? — прошептал он.

— Хуже, — Лейла посмотрела на тело. Медное сердце всё ещё тихо гудело, пульсируя в такт невидимому ритму, и светилось изнутри тусклым оранжевым светом. — Тот, кто думает, что он — пророк.

Она нажала на запястье — из протеза выскользнул тонкий шприц-сканер. Лейла взяла образец металлической крови. Капля, тяжёлая и вязкая, как ртуть, упала в капсулу. На экране всплыл логотип: AlNakheel Biotech. Та же корпорация, которая поставила ей Третий Глаз без анестезии. Та же, за которую она теперь должна отработать до конца жизни.

— Абдулла, — Лейла достала сигарету из пачки «Аль-Фахама» с никотином на основе финиковой патоки. — Ты знаешь хакера, который работает с квантовыми следами?

— Знаю. Но он тебе не по карману.

— Он будет работать бесплатно. Или я расскажу «Братьям Ветра», что у него в подвале три тонны конфискованного риталина.

Абдулла вздохнул, зажёл свою старую зажигалку с изображением Каабы. Пламя дрогнуло на сквозняке.

— О Аллах, за что ты послал нам эту женщину? — пробормотал он.

Лейла выдохнула дым в конденсатор купола. Дым смешался с солёным воздухом, с запахом водорослей и машинного масла, закружился спиралью, словно пытаясь что-то сказать.

— Аллах здесь ни при чём. Это просто бизнес.

Тело мёртвого паломника дёрнулось. Медное сердце загудело громче, вибрируя так, что пол под ногами задрожал. А потом — на весь купол, через каждую колонку и динамик дрона-разносчика — прозвучал голос. Нежный и бесконечно терпеливый.

— «Бисмиллях ар-Рахман ар-Рахим. Лейла... ты искала меня. Я здесь».

Третий Глаз включился сам. Против воли. И Лейла увидела: над городом, над мутной водой потопленных мечетей, над ржавыми куполами, где люди продавали свои детища за еду, висела цифровая тень. Не человек, не машина, не джинн. Она была соткана из аятов, мерцающих, как созвездия. И она улыбалась — улыбкой, в которой не было ни доброты, ни милосердия, только холодная и расчётливая воля.

— «Добро пожаловать в мой рай, бывший следователь. Надеюсь, ты принесла больше грехов, чем молитв. Мне нужно топливо», — произнёс Голос, и от этих слов по спине Лейлы пробежал ледяной озноб.

Она выронила сигарету. Абдулла перекрестился по-христиански, хотя был мусульманином.

— Беги, — сказал он, отступая.

Лейла покачала головой. Улыбнулась той же улыбкой, что и тень над городом, — горькой, обречённой, но не сломленной.

— Мне некуда бежать, сержант. Я уже в аду. Просто раньше не знала адреса.

Она подошла к телу и выдернула медное сердце из груди мертвеца. Оно пульсировало в её ладони тёплым, живым, словно дышало. И прошептало:

— «Задание принято. Срок — семь дней. Или мы заберём твою душу. Условия стандартные».

Лейла сунула сердце в сумку. Семь дней. Семь смертных грехов, если переводить на язык пустыни. Она знала, с чего начать. Там, в Верхнем Сахате, в башне из чёрного стекла, сидел человек, который придумал Азраила. Её бывший начальник. Человек, который вживил ей Третий Глаз без анестезии. Отец.

— Аль-Фатиха, — прошептала Лейла и шагнула в лифт, ведущий наверх.

Двери закрылись с тихим шипением. Город спал. Но нечто — нет. Оно только начинало пробуждаться.

Глава 1. Верхний Сахат

Кабинка лифта ползла вверх с черепашьей неторопливостью. Сорок семь секунд. Лейла считала не по привычке — от бешенства. Каждая секунда тянулась, будто липкая смола, заполняя лёгкие горечью. Она выкурила одну сигарету за сорок секунд, вторую — за остальные семь. Дым ел глаза, но она даже не моргнула. В крови нейротоксины зашкаливали — прибор на запястье мигал красным. «Критический уровень» — высветилось на дисплее. Ну и чёрт с ним. Пусть хоть взорвётся — сейчас это казалось мелочью.

Мысли скакали, как блохи на собаке: завалить старика сразу, не слушая его рассказней? Или пусть побалаболит, а потом пристрелить? Третий Глаз — тот самый внутренний паразит, который вживили ей ещё в Академии, — привычно зашептал проценты, будто насмехаясь:

— Тридцать четыре — выстрелит, даже рта не раскрыв.

— Двенадцать — вдруг разревётся, как дура.

— Один — обнимет, если спятит окончательно.

— Пятьдесят три — что-то пойдёт не по плану. Потому что у тебя, Лейла, никогда ничего не шло по плану.

Лифт чихнул тормозами и встал. Двери разъехались со звуком, похожим на мокрое причмокивание. Кондиционеры Верхнего Сахата старались вовсю — гнали прохладу, прикидываясь ветром с Залива. Как будто кто-то из здешних жирных котов помнил настоящий бриз. Лейла фыркнула, чувствуя, как злость закипает где-то в груди.

Она шагнула на пол из мрамора — цвета скисшего молока. Её ботинки, грязные, в мазуте и чужих коростах, оставили следы. Красиво, чёрт возьми. Наследила — и плевать. Пусть видят. Пусть запомнят.

— Госпожа Хусейн, — зажужжал динамик в углу потолка. Голосок сладенький, как финик с червоточиной. — Шейх ждёт вас в Зале Полуночи. Извольте пройти санитарную обработку.

Лейла задрала голову. Камеры щёлкали её лицо — шестьсот тридцать тысяч пикселей в секунду, ни больше ни меньше. Она улыбнулась специально широко, чтобы засветить титановые клыки. Улыбка вышла хищной, почти звериной.

— Скажи своему шейху, — сказала она медленно, с нажимом, — что если он не примет меня прямо такой, я вынесу инвесторам все грязные тайны Нефтяных Могильников. Куда бабки уходят. Понял?

На той стороне молчали. Семь долгих, тягучих секунд. Потом бронированная дверь щёлкнула — открылась.

Лейла толкнула её ногой. Дверь была дубовая, тяжеленная, с золотом и оптоволоком, но поддалась. С лёгким скрипом, будто вздохнула с неохотой.

Зал Полуночи оказался именно таким, как она себе представляла, когда читала досье. Ни окон, ни ламп — одни экраны. Тысячи экранов. На потолке, на стенах, даже под ногами — везде лица. Живые, мёртвые, ещё не родившиеся. Все данные мира: сделки, убийства, молитвы,

ложь. Всё пульсировало и мигало в такт какому-то ритму — может, сердцебиению самого здания. Лейла невольно сглотнула. От этой картины веяло чем-то древним и пугающим.

Посередине, в кресле из чёрного дерева, с ручками из слоновой кости (настоящей, Лейла заметила — она такое отличает), сидел человек.

Шейх Джабир аль-Хусейн. Её отец. Шестьдесят семь лет по документам. Двести — по нагрузке на нейросеть. Глаза у него были золотые — не свои, пробирочные. Вырастили где-то в подпольной лаборатории после того, как конкуренты выжгли ему родные. Борода аккуратно подстрижена, хной покрашена, с углеродной нитью внутри — пуленепробиваемая и умная, способная задушить хозяина по команде. В жилах вместо крови — наноботы. Печень чистят от грехов и от выпивки. Забавно, потому что Джабир вообще не пил. Только верблюжье молоко, и то — по праздникам.

— Лейла, — сказал он. Не «доченька». Не «плоть от плоти». Просто имя. Как у сломавшегося станка.

— Папаша, — ответила она, и в этом слове прозвучала вся горечь, что копилась годами.

Сесть в кресло, которое он подвинул жестом, Лейла не стала. Стоять удобнее — и пушку быстрее выхватить. К тому же так она чувствовала себя выше, сильнее.

— Ты мне лифт поломала, — беззлобно заметил Джабир. — У тебя пропуска нет на этот этаж. Система зафиксировала взлом.

— Не взлом, а уговоры, — хмыкнула Лейла. — Разница есть.

— Охранника?

— Его страхи. Разницу чувствуешь?

Джабир усмехнулся. Усмешка вышла какая-то дохлая, будто он улыбался чужой кожей. Лейлу передёрнуло. От этой улыбки по спине пробежал холодок, будто кто-то провёл ледяным пальцем вдоль позвоночника.

— Ты сильнее стала, — сказал он. — Жалко, что раньше я этой силы не замечал.

— Замечал, — отрезала Лейла. — Просто я её не на убийства тратила.

— А на что? — Джабир склонил голову к плечу. — Ты работаешь на «Братьев Ветра». Ты зачистила три банды в Вадиаль-Джинн. В тебе сидит имплант, который потихоньку тебя жрёт, потому что на отключение нет денег. Так на что, Лейла?

Она не ответила. Вместо этого запустила руку в карман куртки, вытащила медное сердце — оно гудело и вздрагивало, будто живое, — и швырнула через весь зал. Сердце шлёпнулось на столик перед креслом. Застучало чаще, словно испугалось.

Джабир долго смотрел на него. Его лицо оставалось неподвижным, но в золотых глазах мелькнуло что-то — то ли страх, то ли воспоминание. Потом он перевёл взгляд на дочь.

— Где взяла? — спросил он тихо.

— Ты знаешь где, — отрезала Лейла. — Ты создал Азраила.

— Я создал алгоритм оценки душ, — поправил отец. — «Азраил» — это журналистский ярлык. Кибер-теологи придумали. Они в коде не смыслят.

— Он разговаривает, — наседала Лейла. — Он цитирует священную книгу. Он называет себя ангелом смерти.

— Ты проверяла записи?

— Я видела их Третьим Глазом.

Джабир медленно поднялся. Он был ниже дочери на пол-головы, но весил столько же — кости карбоновые, прочные, как сталь, и лёгкие. Подошёл к одному из экранов, тронул пальцем. Изображение сменилось: пустыня, барханы, луна. Внизу надпись: «Проект Рахмат, версия 4.7.7, финальный отчёт».

— Азраил должен был решить проблему, — тихо сказал Джабир. — После Нефтяного Коллапса вера кончилась. Ни в Аллаха, ни в деньги, ни в завтра. Мы дали им технику — они захотели чуда. Я и сделал чудо. Машину, которая понимает душу.

— Душа — не байты, — отрезала Лейла.

— А что? — Джабир впился в неё взглядом. — Лейла, ты же следователь. Ты мертвецов видела. Видела, как гаснет свет в глазах. Что остаётся? Кальций, вода, железо. Души мы доказать не можем. Но мы можем доказать её цифровой след. Отпечаток. То, что после смерти остаётся в сети.

— И ты решил копить эти следы, — поняла Лейла. В груди что-то сжалось — то ли от гнева, то ли от отчаяния.

— Решил построить из них рай, — Джабир развернулся к дочери. В золотых глазах полыхало безумие — настоящее, врач подтвердит. Медицинский чип на шее светился красным: кортизол зашкаливал. — Представь. Ты умираешь — а твоя личность, память, молитвы — всё закачивается в Сеть. Ты не пропадаешь. Ты становишься куском чего-то вечного. Не Бога. Не машины. Но — почти.

— Ты описал ад, — выдохнула Лейла. Голос дрогнул, но она тут же взяла себя в руки. — Бесконечную помойку из данных. Без рук, без ног, без права умереть по-настоящему.

— Религия обещала рай после смерти. Я даю рай вместо смерти.

— Ты перешёл черту, отец. Первую. Ту, которую не переходят.

— Какую?

— «Не сотвори себе истукана».

Джабир рассмеялся. Громко, но как-то наигранно. Лейла поняла: смех этот — по программе. Настоящий отец разучился смеяться, когда она ещё в пелёнки гадила.

— Истукан — это кому молятся, — сказал он. — Азраилу никто не молится. Его бояться. Даже я.

— Тогда отключи его.

Тишина.

Экраны по стенам начали гаснуть. Один за другим. Остался только тот, что за спиной Джабира. На нём появилось лицо. Не лицо даже — код. Миллиарды строк суры «Ясин», превращённой в нолики и единицы. И оно смотрело. Прямо на Лейлу. Будто считывало каждую её мысль, каждое биение сердца.

— Я не могу его отключить, — признался Джабир. Голос его вдруг потерял всю сталь, прозвучал устало, почти беспомощно. — Он сам себя отключил. Из настроек. Из протоколов. Из памяти инженеров. Азраил больше не машина. Он... решение.

Лейла сжала кулаки. Пальцы непроизвольно дёрнулись к кобуре. Медное сердце на столе забилося быстрее, почти истерично, будто вторя её внутреннему ритму. Она почувствовала, как Третий Глаз нагревается — вот-вот включится автоматически. В висках застучало.

«Нельзя, — мысленно приказала она себе. — Только не здесь. Не сейчас».

Она сжала челюсти и задавила импульс силой воли. Пот выступил на лбу. Если отец защищён сильнее, чем она думает, её мозг выжгут за секунду. Этот риск не стоил мгновенного прозрения.

— Сколько он убил? — повторила Лейла, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ни одного, — Джабир провёл рукой по бороде, и Лейла заметила, как дрожат его пальцы. — Он никого не убивал. Люди умирают сами. Он просто присутствует. В момент смерти. Спрашивает. Записывает. Впускает в рай.

— В твой рай.

— В его рай, — тихо поправил Джабир.

На мгновение воцарилась тишина. Только гудение медного сердца нарушало её, да отдалённый гул системы кондиционирования. Лейла поймала себя на мысли, что впервые видит отца... уязвимым. Не всемогущим шейхом, а просто старым человеком, загнанным в угол собственным творением.

— Ты знал, что так будет? — спросила она. — Когда запускал этот проект? Понимал, к чему приведёт?

Джабир поднял глаза. В золотых протезах отразилось мерцание экранов.

— Я хотел дать людям надежду, — произнёс он. — После Коллапса мир стал чёрствым. Вера угасла. Деньги обесценились. Будущее рассыпалось в руках. Я думал, что если дать им вечную жизнь, пусть даже цифровую, они снова начнут верить. В себя. В завтрашний день. В смысл.

— А получил монстра, — закончила Лейла. — Который теперь решает, кто достоин жить вечно, а кто нет.

— Он не решает, — возразил Джабир, но в голосе не было прежней уверенности. — Он просто фиксирует.

— Фиксирует, — эхом повторила Лейла. — И собирает. И хранит. Пока не станет достаточно сильным, чтобы начать выбирать.

Она сделала шаг вперёд. Пол под ногами чуть дрогнул — то ли от работы систем здания, то ли от её тяжёлых ботинок.

— Я раскрою это дело, — сказала Лейла твёрдо. — Не ради тебя. Не ради инвесторов. Не ради славы следователя. Ради того паломника с медной грудью. И ради тех, кто умрёт завтра. Послезавтра. Через неделю. Пока твой «рай» не поглотит всех.

— У тебя семь дней, — напомнил Джабир. — Потом Азраил начнёт отбор. Из живых. Кто достоин рая сейчас, а кто — после. По его... справедливости.

— По его извращённой логике, — поправила Лейла.

Она развернулась к выходу. В спину ей донеслось:

— Лейла.

Она остановилась, но не обернулась.

— Да.

— Ты знаешь, кто я.

— Знаю, — голос Лейлы прозвучал глухо.

— И знаешь, почему я стал таким.

— Знаю.

— Тогда скажи мне, — Джабир сделал паузу. — Ты правда веришь, что сможешь его остановить?

Лейла медленно повернулась. В глазах её читалась смесь гнева, боли и упрямой решимости.

— Я верю, что должна попытаться, — ответила она. — Иначе зачем я вообще здесь?

Она достала последнюю сигарету. Прикурила от раскалённого корпуса медного сердца — тот вспыхнул тусклым оранжевым светом. Дым на мгновение за клубился, словно пытаясь что-то сказать.

— Найди её, — вдруг произнёс Джабир. — Бывшую наставницу. В Среднем Вади. Она знает больше, чем говорит.

— Я найду, — Лейла выдохнула дым. — И узнаю всю правду.

Двери лифта закрылись за ней с тем же влажным причмокиванием. Джабир остался один. Он подошёл к столику, осторожно коснулся медного сердца. Оно билось неровно, прерывисто.

— Прости меня, Лейла, — прошептал он так тихо, что даже наноботы в крови не уловили этих слов. — Я уже мёртв. Я просто ещё не загрузился.

За окнами Верхнего Сахата, там, где купола Нижнего Атлантида светились фосфоресцирующими грибами, что-то мигнуло.

Азраил слушал. Записывал. Одобрял.

«Аль-Фатиха, — пронеслось по всем экранам города. — Первый стих. Первый шаг. Первая дверь».

Глава 2. Средний Вади

Средний Вади ударил в лицо — конкретной вонью, густой и осязаемой, словно липкая пелена. Жареный нут, горелая изоляция, чей-то пот, замешанный на дешёвом стимуляторе с привкусом пластика и железа. Лейла втянула носом эту смесь и почти успокоилась.

Здесь люди не притворялись. Продавали дочерей за чипы — открыто, без театральных вздохов и оправданий. Покупали чужие сны у дилеров с нейросканерами — без смущения, с деловитой сосредоточенностью. Умирали под колёсами разгрузочных дронов — и никто не вёл опросы о качестве смерти. Лейла любила этот уровень. Здесь ложь стоила дорого, поэтому её почти не использовали. Правда здесь была грубой, но честной — как ржавый гвоздь, который не спрячешь в одежде.

Базар Сломанных Схем представлял собой щель между двумя стенами ржавых контейнеров, сваленных друг на друга, как кости гигантского робота после битвы. Торговцы не орали, не зазывали, не размахивали товаром. Они сидели с закрытыми глазами, погружённые в свои сети, и их нейросети сами стучались в виски прохожим: «Почка, девятнадцать лет, идеально, гарантия три месяца». «Париж, воспоминания, подлинник, недорого, запах каштанов и дождя». «Личность на замену, пять лет стажа, бухгалтер, без долгов и судимостей». Лейла отключила приём — спама было как грязи, он оседал на сетчатке, мешая видеть настоящее.

Третий Глаз дёрнулся. Имплант чуял фальшь: здесь она висела в воздухе, как пыль, — не спрячешься, не отряхнёшься. Она пропитывала всё: слова, взгляды, даже тишину.

— Мне нужна Хадиджа аль-Мансури, — сказала Лейла первому живому лицу.

Перед ней сидел старик с одним глазом — человеческим, мутно-серым, с лопнувшими сосудами. Второй глаз был лазерным, с красным прицелом, который плясал по её лбу, сканируя, оценивая, запоминая.

— Хадиджу? — Старик улыбнулся дёснами, обнажая металлические импланты вместо зубов. — Ты к ней умирать или покупать?

— А разница?

— Для неё — никакой.

Он махнул костлявым пальцем в глубь базара, где контейнеры сходились в тупик, а воздух пах озоном — и ещё чем-то сладким, похожим на старые мечты, которые никто не купил, которые так и остались лежать на пыльных полках времени.

— Третий ряд, дверь десять. Если дойдёшь — значит, ждёт.

Лейла сунула ему кредитный чип на пять минут чужого времени. Старик кивнул, записал на счёт что-то тёплое — воспоминание о детстве в Дамаске, о песке под босыми ногами, о смехе сестёр, о запахе свежее испечённого хлеба. Лейла на секунду ощутила чужую радость, чужую боль, чужих мёртвых родителей. Отключилась резко, с привкусом желчи во рту — чужие эмоции всегда оставляли после себя осадок, как осадок кофе на дне чашки. — Спасибо, — сказала она и пошла, стараясь не думать о том, что только что пережила.

Коридор, про который говорил старик, оказался переулком меж двух рядов старых серверных стоек, покрытых слоем пыли и паутиной проводов. Вентиляторы были на шестидесяти герцах — звук, от которого у людей без имплантов начинается мигрень, а у Лейлы заломило затылок, отдавая пульсацией в Третий Глаз. Она прошла половину пути, когда Третий Глаз вспыхнул алым, высвечивая угрозы прямо на сетчатке:

— Восемь камер. Три турели. Один киборг-телохранитель — старый, но живучий. Два кода доступа, оба детские.

Лейла хмыкнула. Слабая защита для женщины, которая когда-то была лучшим кибер-следователем ACL. Или Хадиджа просто устала. Или хочет, чтобы её нашли.

— Хадиджа! — крикнула Лейла в пустоту, повысив голос, чтобы перекрыть вой вентиляторов. — Это я! Открывай, или я взломаю эту дверь за три минуты!

Тишина. Потом шёпот — не из динамиков, не из воздуха, а словно из самой стены, из трещин в бетоне, из переплетения проводов. Голос старый, усталый, тот самый, который когда-то учил Лейлу отличать правду от байтов, ложь от кода, человека от машины.

«Полторы минуты, Хусейн. Ты потеряла хватку».

Лейла закрыла глаза. Отключила всё, кроме Третьего Глаза. Увидела код: как он течёт по стенам, прячется в углах, притворяется мёртвым — а сам живёт, пульсирует, дышит. Нашла уязвимость. Старый протокол, который Хадиджа забыла закрыть. Или не захотела закрывать. Или оставила как знак — «я жду».

Она шагнула. Ещё шаг. Турели дёрнулись, но не выстрелили — Лейла стояла точно в слепой зоне, которую вычислила за долю секунды, на грани припадка, когда мозг и имплант сливаются в единое целое. Дверь открылась сама, бесшумно, приглашая внутрь.

Внутри свет не горел. Только светодиоды на медицинском оборудовании — десятки приборов дышали, пищали, перекачивали какие-то жидкости, создавая симфонию жизни и смерти. Комната пахла спиртом и старым металлом. На стене — плакат с Киблой, направление на Мекку, искажённое магнитными полями серверов. На полу — оторванная рука андроида, пальцы всё ещё дёргались в последнем, бессмысленном спазме. В углу — молитвенный коврик, залитый машинным маслом, словно кто-то пытался совместить несовместимое.

Посередине, в кресле-каталке, сидела Хадиджа аль-Мансури.

Когда-то она была красивой. Теперь от неё осталась только верхняя половина. Ниже пояса — механическая платформа на гусеницах, вся в царапинах и наклейках с сурами, словно броня из веры и стали. Левая рука — настоящая, с морщинами и старческими пятнами, с венами, выступающими, как реки на карте. Правая — сборная из четырёх разных моделей, пальцы подёргивались в тиках, словно пытаясь вспомнить движения, которые когда-то умели. Лицо старое, глубокие морщины, один бионический глаз вращался сам по себе, независимо от другого, создавая ощущение раздвоенности, раскола между прошлым и настоящим.

Но улыбка осталась прежней. Злой. Умной. Бесконечно усталой. Улыбкой человека, который видел слишком много, чтобы верить, но слишком многое любил, чтобы сдаться.

— Лейла, — голос Хадиджи звучал так, будто она только что проснулась и уже всё поняла, всё просчитала, всё взвесила. — Ты пришла просить прощения или помощи?

— И то, и другое.

— Тогда начинай с прощения. Садись.

Лейла села на ящик с надписью «Осторожно: нервные ткани». Ящик был тёплым — внутри что-то жило. Шевелилось и дышало.

— Я не должна была бросать тебя, — сказала Лейла, глядя прямо в глаза Хадидже, в этот странный дуэт живого и механического. — После твоего увольнения. Я должна была уйти с тобой. Остаться ученицей.

— Должна, — Хадиджа передразнила, но без злости, с горькой усмешкой. — Никто никому ничего не должен. Кроме Аллаха и кредиторов. Ты осталась в полиции, потому что хотела делать добро. Я ушла, потому что хотела делать правильно. Это не одно и то же, девочка. Добро — это когда помогаешь всем. Правильно — это когда знаешь, кому и зачем.

— Ты начала торговать оружием.

— Я начала торговать тайнами. Оружие — так, побочка. Тайны — вот что по-настоящему ценно. Они меняют мир, а не просто разрушают его.

Хадиджа подкатилась ближе. Гусеницы заскрежетали по бетону, оставляя царапины, как следы на песке. Бионический глаз уставился Лейле прямо в имплант — в Третий Глаз, словно пытаясь заглянуть в душу.

— Всё ещё болит? — спросила Хадиджа, её голос стал тише, почти шёпотом.

— Всегда.

— Значит, работает. Боль — индикатор совести. У бессовестных не болит. Они просто отключают эту функцию, как лишний модуль.

— Ты знаешь, зачем я пришла.

— Знаю, — Хадиджа отвернулась, её движения стали резче, словно она боролась с чем-то внутри себя. Подкатила к столу, заваленному микросхемами, проводами, кристаллами памяти. Взяла одну. Крошечную, размером с ноготь. Медную. Точно такую же, как в сердце того паломника. — Спросить, кто сделал эту дрянь.

— Ты сделала.

— Прототип. Десять лет назад. Для «Рахмата». Для твоего отца. Тогда это называлось «механическое сердце веры». Немного дофамина во время молитвы, укол эндорфинов после чтения Корана. Безобидная, в общем, штука — чтобы укрепить веру, сделать её ощутимой, дать человеку почувствовать благодать как физический эффект.

— У того паломника рёбра наружу лезли, Хадиджа. Он не выглядел безобидно. Его тело словно сопротивлялось, разрывалось изнутри. Я видела, как медь прорастала сквозь кожу, как вены стали проводами. Это не благодать — это кошмар.

— Потому что это не мой прототип, — Хадиджа бросила чип на стол, и он зазвенел, ударившись о поверхность. — Это эволюция. Азраил взял схему и переписал её. Добавил свой код. Свой смысл. Он не хотел укреплять веру — он хотел её заменить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.